

УДК 821.161.1.09«1917/1991»
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

АСТАФЬЕВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

А.И. Смирнова

Накануне и в год юбилея В.П. Астафьева (в 2009 году исполнилось 85 лет со дня его рождения) на родине писателя в Сибири вышло несколько книг, посвященных ему: Воспоминания о В.П. Астафьеве «И открой в себе память...» (2008), первый выпуск «Астафьевского ежегодника» «Стародуб» (2009), пятый выпуск материалов научной конференции «Юбилейные Астафьевские чтения “Писатель и его эпоха”» (2009), библиографический указатель, содержащий и научные статьи о писателе, «Дар слова: Виктор Петрович Астафьев (к 85-летию со дня рождения)» (2009). Событием для любителей современной русской прозы и исследователей творчества В.П. Астафьева стало издание его эпистолярного наследия «Нет мне ответа...» (2009), в которое вошли письма 1952–2001 годов. Перед нами подлинный «Эпистолярный дневник» – как его назвал составитель и издатель писем Г. Сапронов. И последняя строка повествования в рассказах В.П. Астафьева «Царь-рыба», вынесенная в заглавие книги: «Нет мне ответа...», представляется очень точной и удачной – по закреплению в ней особой астафьевской интонации, пронзительной и горькой. В контексте творчества писателя эти слова уже «зажили» своей отдельной жизнью. Так, А.П. Казаркин приходит к мысли о том, что «эссе “Нет мне ответа” завершает не только “Царь-рыбу”, но и автобиографическую диалогию (исследователь рассматривает это повествование в рассказах и “Последний поклон” как диалогию. – А. С.) и выводит в контекст религиозно-философской прозы. С этого рубежа углубляются пессимистические ноты, создается образ переродившегося народа и страны, из родной превратившейся в чужую» [3, с. 489].

Обратимся к литературоведческим аспектам изучения творчества писателя. Появление первого выпуска «Астафьевского ежегодника» «Стародуб» [6], в котором представлены научные статьи и сообщения о нем, воспоминания и материалы к биографии, архивные разыскания и письма Виктора Петровича Астафьева, вызывает несомненный интерес, свидетельствуя о начале нового этапа в осмыслении его литературного наследия. Знатокам творчества писателя хорошо известна одна из первых его повестей «Стародуб» (1960), давших название ежегоднику. В повести оно объясняется следующим образом: эти люди «пришли оттуда, где росли дубы, где росли яблони, груши, вишни и не было кедрочек и лиственниц. Они всему дали свои названия, и самый целебный и красивый цветок назвали в честь любимого дерева – дуба. Так цветок этот, желтый и духмяный, сделался постоянной, неумираемой памятью о родном, навсегда потерянном крае» [1, с. 48]. На титульном листе «Астафьевского ежегодника» изображен цветок, сделанный неумелой рукой писателя, и рядом его текст: «Стародуб... символ мой и любимый мой цветок. В. Астафьев» [6]. «Этот цветок цвета солнца стал эмблемой писателя. Он рисовал его на десятках подаренных им книг» [там же, с. 5], сопровождая приведенной выше записью.

Авторы статей ежегодника обращаются к разным граням астафьевского творчества: новосибирский исследователь В.Н. Яранцев размышляет о мировоззрении писателя, польский славист М. Заградка осмысливает творческую эволюцию Астафьева, начиная с повести «Стародуб» и заканчивая романом «Прокляты и убиты». Ряд статей посвящен контекстному рассмотрению произведений писате-

ля: Г.М. Шленская выявляет преемственную связь Астафьева с Буниным («Астафьев и Бунин»); А.И. Смирнова исследует интертекстуальные связи в прозе писателя («Культурный контекст творчества В.П. Астафьева»); П.А. Гончаров соотносит «Оду русскому огороду» с другими произведениями автора («Ода русскому огороду» в контексте прозы В.П. Астафьева 1970–1990-х годов»). Анализу идиостиля писателя посвящена статья Е.А. Сорокиной «Явление синестезии в прозе В.П. Астафьева».

В.Н. Яранцев в статье «О мировоззрении Виктора Астафьева» дает свою оригинальную концепцию мировоззренческих установок писателя. Исходными для исследователя становятся положения о том, что, во-первых, для Астафьева «принцип всей правды» является универсальным, и он «требует максимальной полноты» [6, с. 54], во-вторых, «категоричность этого принципа обнаруживала и невозможность его воплощения в полной мере» [там же]. И это находит следующее обоснование: «На опыте собственной биографии писатель осознавал эту ущербность человека в мире дисбаланса добра и зла: человек изначально несовершенен и еще «ущерблен» несовершенством общественной жизни. Попытка преодоления несовершенства в эмпирической жизни, в реальности, невозможна, о чем свидетельствует опыт художественного творчества В. Астафьева зрелых лет» [там же, с. 54–55]. Идея «несовершенства человека» в астафьевских произведениях, по мнению автора статьи, находит воплощение в «лишенности человека подлинного имени/фамилии», в изображении «физической ущербности» героя [там же, с. 55]. Как о специфической особенности мировоззрения Астафьева исследователь говорит об осознании «невозможности гармоничности человека внутри себя и внутри общества» [там же]. На примере повестей писателя 1960 – начала 70-х годов В.Н. Яранцев показывает, что для автора «полнота и гармония человека с собой и миром... оказывается утопической или кратковременной. Так как дисгармония заложена изначально и в человеке и в мире...» [там же, с. 56].

Наблюдения автора статьи, безусловно, соответствуют астафьевской концепции мира и человека, по ходу анализа произведений выс-

казываются точные суждения, раскрывающие смысл творчества писателя. Однако ограничивать его рамками «деревенской прозы» совершенно, на мой взгляд, не правомерно. При этом сужается и представление о «кругозоре» Астафьева. Так, о повествовании в рассказах «Царь-рыба» в статье говорится: «Контекст и мораль “деревенской прозы” склоняет В. Астафьева к противопоставлению “деревни” (тайги, природы) и “города”: не случайно Герцев городской» [6, с. 57]. При всей присущей Астафьеву антитетичности мышления, в «Царь-рыбе» этого противопоставления нет, и город как таковой не изображается (тем более в противоположность образу мощной тайги, живущей по своим законам). Тайга и природа – это не «деревня», кроме того, куда в этом случае отнести браконьерский поселок Чуш? Противопоставляются же в произведении его герои – Аким и Гога Герцев, и опять же не в аспекте оппозиции «деревня»/«город», а в качестве протагонистов как «природный человек» (коренной житель)/«турист» (человек без «корней», не признающий нравственных обязательств и родственных связей). В.Н. Яранцев, в ответ на оценку, данную рассказу В. Астафьева «Людочка» В. Ерофеевым («Русские цветы зла»), замечает: «Однако вряд ли правомерно сосредоточивать, как это делает критик писателя, внимание только на спорной принадлежности В. Астафьева “деревенской” прозе, ибо деревня показана им без сочувствия как равнодушно созерцающая свое умирание (образ матери Людочки). В. Астафьев скорее писатель традиционных ценностей, восстанавливающий тот «гиперморализм», с которым так рьяно сражается В. Ерофеев» [там же, с. 59]. Думается, это уточнение необходимо, хотя замечу, что и понятие «традиционных ценностей» для нетрадиционного Астафьева требует дополнительной расшифровки.

Выявляя особенности мировоззрения В. Астафьева, автор статьи касается сложных и не решенных на сегодняшний день вопросов. Среди них вопросы о философско-литературных корнях писателя («идеология “русского космизма”, живое знание» [там же], традиции М. Пришвина и А. Платонова), религиозных взглядах.

В статье Г.М. Шленской «Астафьев и Бунин (к постановке проблемы)» привлекает

стремление выявить точки соприкосновения между двумя писателями, проявляющиеся многообразно: в астафьевских высказываниях о великом предшественнике, в особом интересе к его творчеству, в сходстве взглядов писателей «на сущность литературного труда» [6, с. 78], в творческой близости и пр. Так, исследователь обращает внимание на «сюжеты человеческих судеб» в прозе Астафьева последних лет, на «истории угасания, истории нереализованных возможностей, загубленности жизни» [там же, с. 72], находя в этом связь с Буниным, герои которого, подобно астафьевским, задаются вопросом о смысле жизни и ее нереализованности. «Ответ на него Бунин склонен искать в метафизических особенностях русского человека» [там же, с. 73]. Сближают Астафьева с ним и горькие раздумья о России, ее судьбе, на что справедливо указывает автор статьи, и особая чуткость к жизни, раздумья о ее конечности: «Та же острота восприятия ее, опьянение ею», и рядом, «как у И. Бунина, непокидающая мысль о конечности ее, о неизбежности ухода» [там же, с. 70].

Г.М. Шленская, выявляя типологическое родство писателя Бунину, обозначила одно из важных и перспективных направлений – изучение литературных традиций в творчестве Астафьева. В продолжение же этого разговора хочется отметить, что автор «Последнего поклона» учился у классика, не случайно он, вслед за Буниным и ссылаясь на него, придавал особое значение начальной фразе произведения, которая задает тон и звучание всей вещи. Близость Астафьева Бунину проявилась и в присущей художественному мышлению обоим антитетичности, что по-своему преломилось в творчестве каждого, в обостренном внимании к проблеме национального характера, в жесткости выражения своей позиции, в трагизме мироощущения.

П.А. Гончаров в статье «“Ода русскому огороду” в контексте прозы В.П. Астафьева 1970–1990-х годов» хотя и сосредоточился на частном аспекте творчества писателя, обратившись к его знаковому произведению, однако рассмотрел «Оду...» в широком литературном контексте, включая и «деревенскую прозу». Статья вызывает интерес мифопоэтическим прочтением произ-

ведения, стремлением истолковать его смысл и жанровую специфику в контексте творчества Астафьева.

В «Астафьевском ежегоднике» имеется важный раздел, посвященный теме «Астафьев и зарубежье», – это еще одно актуальное направление в изучении жизни и творчества писателя. В публикациях четвертого раздела представлены публикации, выявляющие русско-китайские связи писателя: переводы его произведений и их изучение в Китае, выступления Астафьева, адресованные китайскому читателю, «Библиография изданий произведений В.П. Астафьева и литературы о его жизни и творчестве на китайском языке», подготовленная Чжан Сяочан. И хотя преждевременно говорить о последующих выпусках «Астафьевского ежегодника», однако хотелось бы видеть на его страницах в качестве постоянного раздела и этот, посвященный творческим связям Астафьева с зарубежьем, которые сравнительно недавно стали предметом научного исследования.

Оценивая «Стародуб», не могу не упомянуть опубликованные в нем материалы к биографии Астафьева – это и автобиография писателя, и его родословная, представляющая собой «поколенную роспись с указателем имен и генеалогической таблицей кровного родства» [6, с. 23], составленная Н. Вершиной. Для биографов Астафьева, исследователей его творчества эта «Родословная», как и опубликованные в третьем разделе воспоминания о писателе, станут ценным подспорьем в их работе.

В предуведомлении «От редколлегии» ежегодника обращается внимание на его значение: «Выход этого ежегодника является неким итогом и новым этапом в той большой и важной работе, которую вел Астафьевский научно-образовательный центр факультета филологии и журналистики СФУ (Сибирский федеральный университет. – А. С.) совместно с библиотекой-музеем В.П. Астафьева в селе Овсянка на протяжении последних четырех лет» [там же, с. 5]. И это на самом деле так, поскольку обозначенные в ежегоднике исследовательские аспекты, ориентированные на выявление традиций в творчестве В.П. Астафьева, на изу-

чение его связей с мировой литературой, проблемы идиостиля, поэтики писателя, перевода его произведений на другие языки, – являются актуальными, свидетельствуют о необходимости продолжения работы в избранном направлении. Первый выпуск «Астафьевского ежегодника» представляет собой опыт издания «Материалов и исследований», новый для астафьеведения, и одновременно продолжающий сложившиеся отечественные традиции, присущие академическим изданиям.

Неоценимую помощь исследователям Астафьева окажет изданный в 2009 году библиографический указатель, в котором содержатся сведения об основных датах жизни и творчества В.П. Астафьева, о выходе его произведений в печати, о литературно-критических и научных работах, посвященных писателю [3]. Книга «**Дар слова: Виктор Петрович Астафьев**» приурочена к 85-летию со дня рождения писателя. К его юбилеям ранее уже выходили «именные» библиографические указатели – в Вологде (1974), Красноярске (1989; 1999), Москве (1999). Однако отличие этой книги заключается в том, что она состоит из двух частей: кроме биографических и библиографических материалов в нее вошли научные статьи об Астафьеве литературоведов и лингвистов. Вторая часть «Слово – образ – мир» открывается статьей Т.Н. Садыриной, в которой предпринимается попытка обобщить результаты филологического изучения творчества В.П. Астафьева. В статье объясняется характер представленных материалов: «В данной книге собраны исследовательские статьи участников красноярских и пермских Астафьевских чтений. Отбирая материалы для переиздания, мы руководствовались рядом критериев. Во-первых, важно было представить два основных исследовательских русла» (литературоведческое и лингвистическое), «во-вторых, среди авторов – те, для кого творчество В.П. Астафьева представляет постоянный научный интерес и является “полем”, на котором вырастают разного объема и значения ученые “плоды”: от литературоведческих комментариев, статей до монографий и докторских диссертаций. В-третьих, разумеется, интересно отметить критерий, связанный с уровнем мастерства

астафьеведов: от начинающих исследователей до настоящих ученых “мэтров”» [3, с. 354].

Самый большой раздел второй части книги – литературоведческий. В нем представлены как статьи общего порядка, так и те, в которых рассматриваются отдельные произведения писателя: «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду», «Царь-рыба», «Последний поклон», «Так хочется жить», «Веселый солдат», «Затеси», «Зрячий посох», – в самых разных аспектах. От функции мотива до проблемы контекста и метатекста, от особенностей авторской позиции до национальной модели мира, от анализа взаимодействия реалистических и постмодернистских тенденций до выявления типологической общности между произведениями, относящимися к разной культурной традиции.

В обобщающих статьях реализуются актуальные проблемы изучения литературного наследия писателя. Так, А.Ю. Большакова, говоря о «поэтике прозы и правде факта» у Астафьева, вписывает его в широкий литературный контекст второй половины XX века, подробно останавливается на развитии «деревенской» прозы, анализирует астафьевские произведения в двух основных аспектах: «жанр и историческая реальность» и «автор, герой и переосмысление истории». Исследователь, характеризуя «поздний период “деревенской” прозы 60–90-х» [там же, с. 375], приходит к выводу о том, что «в конце 80–90-х происходит изменение типологии героя, обусловленное уходом с исторической сцены крестьянского сословия, его социальными переориентациями. В “Печальном детективе”, “Людочке”, “Веселом солдате” Астафьева, новых рассказах Носова, Распутина, “задержанных” повестях и рассказах Абрамова, Тендрякова и других произведений этого периода – через социальное смещение героев, изображение миграционных подвижек – отражается процесс массового раскрестьянивания России, переход крестьян и крестьянских потомков в деклассированное состояние: в иные (по отношению к традиционной деревне), нередко отторгнутые социальные слои» [там же, с. 376].

Автор следующей статьи, «Изболевшаяся душа (В. Астафьев после “деревенской” прозы)», В.А. Зубков вступает в своего рода диалог с предыдущей, поскольку он говорит о

том, что «с середины 1970-х годов целостная традиция “деревенской” прозы в творчестве Астафьева утрачивается» [3, с. 381], с чем трудно не согласиться. Мне представляется, что полемика вокруг «принадлежности» Астафьева к «деревенской» прозе выглядит несколько надуманной. И тут могут быть разные обоснования, автор статьи дает собственное: «Эволюцию полувековой жизни Астафьева в литературе, разумеется, можно рассматривать в разных аспектах: тематическом, жанровом, стилевом и т. д. Но главное в ней, на мой взгляд, – движение из мира собственно “деревенской” и военной прозы к художественному и публицистическому исследованию общего состояния народной России. Центром его в последние годы Астафьева все очевиднее становится постижение тотального несчастья русского народа, которое писатель со всей определенностью обнаруживает к концу XX века» [там же, с. 386]. Этот вывод косвенно подтверждает ограниченность тематического подхода к творчеству писателя, и, думается, актуальной задачей на сегодня является постижение феномена творчества Астафьева (не случайно первая международная научная конференция в Красноярске, посвященная писателю, называлась «Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века» [7]). В русле этого постижения статья В.А. Зубкова вызывает несомненный интерес, так как намечает перспективы изучения литературного наследия писателя. Это выражается в том, что автор статьи обращает внимание на «главную тенденцию астафьевского творчества последних лет – усиление трагического дискурса в освещении столь близкой и родной писателю народной жизни» [3, с. 387], а также стремится выявить «широкую традицию русской литературы» [там же, с. 388], продолжателем которой явился Астафьев.

В ряде работ вынесенная в заглавие проблема рассматривается на материале нескольких произведений писателя, это относится к статьям Д.А. Субботина «Эволюция конфликта в прозе В.П. Астафьева», Н.М. Щедриной «Проблема жанрового синтеза в прозе В.П. Астафьева», А.Г. Ким «Человеческие лики природы в произведениях В.П. Астафьева». Д.А. Субботин выявляет эволюцию кон-

фликта в прозе писателя на материале таких произведений, как «Стародуб», «Царь-рыба», «Печальный детектив», «Прокляты и убиты», при этом он выделяет два типа конфликта: локальный, который может реализоваться в двух видах – обобщенном и частном, и субстанциональный. Избранная в статье исследовательская модель оправдывает себя, выводы, к которым приходит автор статьи, представляются убедительными и отличаются определенной новизной. Говоря о романе «Прокляты и убиты», он справедливо отмечает, что в нем «субстанциональный конфликт становится главным» [3, с. 402], и приходит к выводу: «Субстанциональный конфликт в произведениях последних лет выражен предельно экспрессивно: Астафьев не приемлет этот мир и не видит выхода. И если с содержательной стороны конфликта можно наблюдать определенную эволюцию... то с формальной стороны конфликты в прозе Астафьева типологически однородны...» [там же, с. 404]. Вызывает интерес анализ произведений Астафьева: обратившись, казалось бы, к частной и традиционной проблеме, Д.А. Субботин сумел через призму конфликта проследить творческую эволюцию писателя, раскрыть характерные свойства его мировосприятия.

«Проблема жанрового синтеза в прозе В.П. Астафьева» рассматривается в статье Н.М. Щедриной на материале повести «Пастух и пастушка», «Царь-рыба», «Последний поклон», «Прокляты и убиты». Судя по выбору произведений, в жанровом отношении очень разных, со своей композиционной логикой, своим образом мира, своей историей создания, решение проблемы жанрового синтеза носит в статье общий характер. И речь идет, как думается, все же об определенной тенденции, проявившейся в прозе писателя. В этом убеждает и итоговый вывод статьи, связанный с процитированным в ней высказыванием самого Астафьева о муках творчества, об освоении им романного жанра. «Как нам кажется, – замечает исследователь, – в этих, порой парадоксальных, рассуждениях В. Астафьева содержится мысль о происходивших в его авторском мировидении синтезирующих процессах, способствовавших формированию новой формы эпического полотна, выходящей за рамки традиции. В нем синтезированы очерк,

рассказ, повесть, лирическая, философская и публицистическая проза, летописное, автобиографическое, хроникальное и циклическое повествование» [3, с. 414].

Хотя в процессе характеристики произведений В.П. Астафьева в статье предпринимаются попытки конкретизировать понятие жанрового синтеза применительно к ним. Так, в работе отмечается, что в повести «Пастух и пастушка» «использованы натурализм, формы фантастики, условность изображения, романтизация образов» [там же, с. 408]; или относительно «Последнего поклона» по ходу его рассмотрения даются такие характеристики: «...налицо все атрибуты романа о жизни сибирской деревни Овсянка» [там же], «новеллистический цикл» («Кажется, с одной стороны, подобное построение сопротивляется романной диалектике, но с другой – это вполне целостное лиро-эпическое повествование...» [там же]). Однако и эти уточнения, на мой взгляд, не вносят ясности и подтверждают общий характер понимания проблемы жанрового синтеза и его истолкования.

Наряду с художественным творчеством Астафьева в научных статьях «Дара слова» рассматриваются критика и публицистика писателя (А.П. Казаркин «“Зрячий посох” В.П. Астафьева: контекст и метатекст», Л.П. Быков «Виктор Астафьев – критик»). Статья П.А. Казаркина выделяется среди опубликованных в книге материалов и привлекает оригинальностью истолкования самого «Зрячего посоха» и его контекста и метатекста, новизной концепции и выбором подхода к исследуемому материалу. «Большую часть своей творческой жизни писатель отдал тому, что называется “книгой жизни” [там же, с. 390], – замечает исследователь. – Астафьевская “книга жизни” узнаваема, ее трудно смешать с другими. Стиль этого писателя – едва ли не самый исповедальный в русской литературе, а она особенно расположена к хронике-исповеди. Если любимая автором автобиографическая повесть – это “последний поклон” родной земле и русскому крестьянству, а “Царь-рыба” – живой природе, то “Зрячий посох” – прощание с русской литературой» [там же, с. 391].

Представляется важным итоговый вывод ученого: «Поздняя проза Астафьева –

антироман: в мировой литературе нет опыта романа на основе апокалиптики. Как и в мире А. Платонова, герой Астафьева несет травматический душевный опыт... Последние классики сибирской прозы, Астафьев и Распутин, осмыслили отошедшее столетие как цепь экспериментов над природой и народом: революции, сначала социальная, а за ней технологическая, создали вакуум веры, почти искоренили органическую традицию в культуре» [3, с. 398].

О второй части книги «Дар слова» в аннотации говорится, что она «представляет современные направления филологического изучения» [там же, с. 4] творчества Астафьева, – и это утверждение вполне оправдано, в чем можно было убедиться, обратившись к научным статьям «юбилейного сборника». В книге наряду с литературоведческим и лингвистическим разделами имеется раздел «Мировоззренческая позиция писателя», содержащий статьи: «Метафизика мира и метафизика “я” в “реальной” философии В.П. Астафьева» (Е.Н. Викторук), «Отражение православного мироощущения в творчестве В.П. Астафьева» (О.Н. Гайдаш), «Виктор Астафьев и конец крестьянской Руси» (Т.Н. Садырина), «“Memento mori” Виктора Астафьева» (М.Н. Кураев).

Как в любом творческом начинании, есть свои недочеты и в книге «Дар слова: Виктор Петрович Астафьев (к 85-летию со дня рождения)», но в связи с общим достойным уровнем издания, его научным характером и основательным библиографическим указателем, о важности которого говорить излишне, не хочется критически оценивать этот труд. В то же время – именно потому, что в нем представлена библиография по творчеству Астафьева, – подумалось о необходимости пожелания начинающим астафьеведом: учитывать историю изучения творчества писателя и опираться на работы своих предшественников. Когда при характеристике произведений Астафьева 1970-х годов автор ссылается на *учебные пособия*, вышедшие уже в 2000-е годы, а не на научные работы астафьеведов, появившиеся значительно раньше, – это производит грустное впечатление.

В ряду изданных в прошлом году книг о В.П. Астафьеве обращают на себя внимание материалы «Юбилейных Астафьевских

чтений «Писатель и его эпоха»» (выпуск 5) [8], проходивших в Красноярске 28–30 апреля 2009 года. Во-первых, потому что это юбилейный выпуск и правомерно говорить о подведении неких итогов, установлении перспектив в научном осмыслении творчества писателя; во-вторых, в силу широты тематики и исследовательских ракурсов, разнообразия подходов и качества исполнения, важно определить как сильные, так и слабые стороны сегодняшнего астафьеведения. Думается, это немаловажная задача, учитывая перспективу – подготовку и издание последующих выпусков «Астафьевских чтений». Книга традиционно делится на разделы, в которых творчество писателя исследуется в литературоведческом и лингвистическом аспектах, рассматриваются вопросы, связанные с методикой преподавания русского языка и литературы. Наряду с этим в материалах «Юбилейных Астафьевских чтений» представлены сообщения, посвященные актуальным проблемам литературоведения и фольклористики, лингвистики, а также опубликованы воспоминания о творческих вечерах В.П. Астафьева в Красноярской краевой универсальной библиотеке и «Томские письма» писателя.

«Астафьевский» литературоведческий раздел самый большой и открывается он статьей Н.М. Щедриной «А. Солженицын и В. Астафьев – “солдаты литературы”». Основанием для их сопоставления стало то, что, по словам автора статьи, «очень близки эти два больших русских писателя и по духу, и умением запечатлеть картину России в своих эпических полотнах, созданных с помощью циклизации и летописного принципа повествования. Астафьева и Солженицына многое сближает – и трагизм судьбы, и использование в произведениях личного опыта, и многие художественные приемы, а главное – любовь к своей отчизне» [8, с. 12]. Эмоционально написанная, статья нацелена на выявление близости двух последних классиков русской литературы XX века, которая проявляется в даре пророчества, присущего им, в отстаиваемом ими принципе «жить не по лжи»; в опоре на «летописную традицию и цикличность» [там же, с. 6], в христианской «составляющей» их произведений. Так, Н.М. Щедрина констатирует: «В “Красном

колесе» А. Солженицын писал о тех, кто предал забвению Божье имя и бросил страну в пучину революции. Астафьев подхватил эту мысль и заговорил в “Проклятых и убитых” о расхристианившейся России, вынужденной расплачиваться человеческими жизнями, о возмездии, которое настигает человека и страну в результате попрания христианских ценностей» [там же, с. 9]. Сравнивая «Прокляты и убиты» В. Астафьева и «Красное колесо» А. Солженицына, исследователь не только обнаруживает точки соприкосновения между писателями, но и раскрывает масштаб личности каждого.

Творческие параллели между Астафьевым и Солженицыным проводятся и в других сообщениях. Так, П.А. Гончаров и П.П. Гончаров выявляют близость героини из астафьевского очерка «Паруня» солженицынской Матрене («Матренин двор») [там же, с. 24], – вспомним, как автору «Последнего поклона» понравился в свое время этот рассказ, высоко им оцененный.

В «астафьевском» разделе рассматриваются следующие проблемы изучения литературного наследия писателя: тематика, проблематика и герои произведений (статьи П.А. Гончарова и П.П. Гончарова, Т.Н. Садыриной, Е.К. Холодковой, В.А. Зубкова, Л.А. Соколовой), поэтика прозы (публикации Р.Т. Саковой, Н.С. Цветовой, К.В. Казанковой); «религиозный поиск В.П. Астафьева» на материале романа «Прокляты и убиты» (О.Ю. Золотухина), литературные связи с зарубежьем: статьи А. Борковска «Виктор Астафьев и Польша», Ж.-Ф. Русле «Астафьев, неизвестный французскому читателю»; осмысление астафьевского творчества в европейском литературоведении (В.В. Дегтярева). Наряду с этим творчество В.П. Астафьева исследуется в журнальном контексте (статья В.Н. Яранцева «Астафьевский текст в “Сибирских огнях”»), в аспекте «экранного и сценического прочтения» (на материале «литературного киносценария В.П. Астафьева “Не убий”» в статье Н.А. Редько).

Обращает на себя внимание традиционность проблематики, рассматриваемой в ряде публикаций – это статьи, анализирующие, во-первых, тематику произведений писателя: П.А. Гончаров, П.П. Гончаров «Уральская

тема в прозе В.П. Астафьева 1970 – начала 1990-х годов»; В.А. Зубков «...Отзвучала ее печаль во мне...» (Тема любви в повести Виктора Астафьева «Пастух и пастушка»); вторых, образы героев: Р.Т. Сакова «Образ язычника-аборигена Сибири как сюжетобразующая константа произведений В.П. Астафьева», Л.А. Соколова «Образ матери в рассказе В.П. Астафьева “Шинель без хлястика”». В то же время признак «традиционности» проблемы статьи – это достаточно условный критерий, потому что, скажем, в работе П.А. Гончарова, П.П. Гончарова уральская тема в прозе писателя раскрывается масштабно, выявляется ее эволюция, а творчество писателя раскрывается в недостаточно исследованном ракурсе. Или же в статье Р.Т. Саковой «Образ язычника-аборигена Сибири как сюжетобразующая константа произведений В.П. Астафьева» обращается внимание на частный, казалось бы, аспект творчества писателя, однако он дает возможность раскрыть сугубо индивидуальные свойства художественного мира писателя. Статья вызывает интерес рассуждениями о «языческом и православном» как «постоянном сюжете, способном определить “начало и венец” творчества В.П. Астафьева» [8, с. 28]; о различиях между традиционной для литературы Сибири оппозицией: «свой» (православный христианин)/ «чужой» (язычник – нехрист) и астафьевской моделью: «не оппозиция своего и чужого, а любовь или нелюбовь своего к своему» [там же] и мн. др.

Эта статья побуждает к продолжению разговора, к диалогу и дискуссии. Так, на мой взгляд, утверждение о том, что «в прозе Астафьева понимание инородца как “нехристя”, вопреки сложившемуся стереотипу, не предлог для отчуждения, а причина для жалости к язычнику, не ведающему спасения во Христе» [там же, с. 29], нуждается в дополнительном обосновании. Недостаточно ссылки на бабушку Катерину Петровну из «Последнего поклона» и ее слова: «Дак, потому и жалею, что “нехристи”» [там же, с. 30], поскольку это ее слова, а не автора. Кроме того, вспомним, что в ее облике сочетаются православное и языческое начала. Думается, авторское отношение к аборигенам сложнее и глубже. Или же, вызывает вопрос интерпре-

тация в статье сцены спасения Игнатъича в «Царь-рыбе». Р.Т. Сакова пишет: «Двойственность героя Астафьева оказалась спасительной, вместе с Рыбой отделились сожаление, раскаяние, мука. Душе стало легче от какого-то, еще не постигнутого умом метания между Божественным и природным – в этом коренная черта героя Астафьева» [7, с. 36]. Насколько правомерно говорить о «метаниях» героя «между Божественным и природным»? Учитывая тот факт, что до «встречи» с царь-рыбой он не верил в Бога? И природа для него не то же, что, скажем, для Акима – и этот аспект является стержневым в первой части произведения. Мы не можем не учитывать социального плана повествования и недооценивать мифопоэтический подтекст, в противном случае рискуем исказить смысл произведения. В связи с чем хочется напомнить: во-первых, в основу главы «Царь-рыба» положена притча, благодаря которой изображенная Астафьевым ситуация приобретает обобщенно-символический смысл, а конфликт перерастает в субстанциональный: в единоборство вступают «реки царь» и «всей природы царь». Во-вторых, оказавшись на грани смерти, герой ощущает неотвратимость возмездия за свои грехи и испытывает страх. Именно в этот момент он вспоминает продолжение «дедовой сказочки». Встреча с «волшебной царь-рыбой» помогает ему ощутить свою душу, «сжавшуюся в комок», и пережить духовное воскрешение. В-третьих, образ царь-рыбы выступает в произведении не только символом Природы, так как «семантика древнего символа рыбы включает в себя мысль о воскрешении, возрождении к новой жизни. Рыба – это “символ потопа и крещения одновременно... потопа как гибели прежнего ветхого человека и крещения как возрождения его к новой жизни”» [5, с. 58]. В этом случае и проблема соотношения языческого и православного в художественном сознании автора окажется намного сложнее, чем мы ее представляли.

Материалы конференции, с одной стороны, демонстрируют разнонаправленность научных поисков в области астафьеведения, с другой – его сильные и слабые стороны. Есть в книге аналитические статьи, расширяющие

наше представление об Астафьеве, открывающие новые горизонты осмысления его творчества (например, публикация В.Н. Яранцева «Астафьевский текст в “Сибирских огнях”» и др.), и рядом с ними откровенно слабые (сообщение Л.А. Соколовой «Образ матери в рассказе В.П. Астафьева “Шинель без хлястика”»). Конечно, ограниченный объем публикации не дает возможности углубиться в рассматриваемые проблемы, но некоторые работы страдают поверхностностью, беспомощностью, проявляющейся при анализе и интерпретации астафьевских текстов, незнанием контекста творчества писателя и работ о нем, путаницей в жанровых обозначениях, терминологическим «разнобоем».

К сожалению, для материалов «Юбилейных Астафьевских чтений» характерна общая негативная тенденция, обозначившаяся в сегодняшнем литературоведении. И здесь хотелось бы воспользоваться выражением, которое не раз употреблял Астафьев, говоря об истории создания «Последнего поклона». Писателю важно было доказать, что его земляки не «Иваны, не помнящие родства», что Сибирь имеет свое прошлое, о котором ничего не известно «первооткрывателям» ее. Так вот, хотелось бы предостеречь против положения «Иванов, не помнящих родства», которое, увы, становится нормой. Изучение творчества Астафьева имеет, пусть и непродолжительную, но свою историю, поэтому, скажем, анализируя повесть «Пастух и пастушка», совершенно необходимо учитывать имеющуюся научную литературу о ней, иначе можно попасть в положение «первооткрывателя» в отмеченном Астафьевым духе. Например, говоря о теме любви в повести или рассматривая «трансформацию жанрового канона античной пасторали» в ней. Думается, недостаточно риторического заявления, сделанного в статье «...Отзвучала ее печаль во мне...» (Тема любви в повести Виктора Астафьева «Пастух и пастушка»), о том, что «паритетное» раскрытие «боевой и любовной линии сюжета» ранее «отмечалось и так или иначе комментировалось литературной критикой, проявившей к повести дружный интерес...» [8, с. 92, 93].

«При этом в критических суждениях о повести, – продолжает автор статьи, – “бой” (если воспользоваться названием глав) зани-

мал неизмеримо больше места, чем “свидание”. Автор литературно-критических штудий меньше всего интересовала история и “содержание” любви главных героев. Она воспринималась как антивоенный аргумент писателя, как воплощение естественного человеческого бытия, противостоящего разрушительному ожесточению войны» [8, с. 93]. Однако эти утверждения никак не подкрепляются В.А. Зубковым, в «Библиографическом списке» к статье нет ни одной литературно-критической или научной статьи, посвященной повести. В этом случае очень просто делать «открытия». Вроде этого: «Осмелюсь высказать крамольную гипотезу: толчок к началу работы Астафьева над “Пастухом и пастушкой” никакой связи с военной темой вообще не имел» [там же, с. 94], что далее сопровождается такими соображениями: «Мы не располагаем какими-либо свидетельствами о “присутствии” военного материала в зародившейся у Астафьева идее будущей повести. Лишь в последующем писательское чутье и фронтовой опыт Астафьева ввели сюжет повести в обстоятельства солдатской войны» [там же]. В подтверждение своей «крамольной гипотезы» автор статьи обращается к хорошо известному астафьеведам и много раз цитировавшемуся высказыванию писателя об истории создания «Пастуха и пастушки», о чем он упоминал неоднократно (см.: Астафьев В. П. Про то, о чем не пишут в книгах // Литературная газета. 1979. 10 окт.). Новизны в «открытии» В.А. Зубкова нет никакой, как и в следующем утверждении: «В сущности, книга аббата Прево побудила молодого провинциального, но уже чувствующего в себе творческую энергию писателя подступить к одной из самых увлекательных для художника тайн бытия, тайне любви женщины и мужчины, вызвала в Астафьеве дерзкую попытку “коснуться судеб и чувств общечеловеческих” (по выражению писателя. – А. С.)» [там же, с. 95]. Однако и этот – общечеловеческий – аспект повести ранее был исследован, достаточно обратиться к научной литературе, представленной в библиографических указателях по творчеству В.А. Астафьева, в том числе и к последнему Библиографическому указателю [3], на страницах 208–217 которого названа литература, посвященная этой повести.

Думается, такой подход не способствует высокому уровню научного издания, свидетельствуя об утрате лучших отечественных академических традиций, чем всегда была сильна российская филологическая наука.

Появление в юбилейный для писателя год основательных коллективных трудов, будь то первый выпуск Астафьевского ежегодника «Стародуб» или «Дар слова...» (соединивший под одной обложкой, в сущности, две «книги»: биобиблиографический указатель и сборник научных статей); или же материалы юбилейных астафьевских чтений «Писатель и его эпоха», в которых запечатлен «живой» процесс осмысления и интерпретации творчества последнего классика XX века, – это не только дань юбилею В.П. Астафьева, но – хотелось бы верить! – и важное событие в культурной жизни страны. Обозревая материалы названных изданий, по ходу я отмечала актуальные проблемы и научные аспекты изучения литературного наследия писателя. В завершение обзора сошлюсь на А.П. Казаркина, который в статье «“Зрячий посох” В.П. Астафьева: контекст и метатекст» формулирует актуальные задачи, стоящие перед астафьеведением: «По мере осознания Астафьева классиком мы должны увидеть его место “на шкале этногенеза” (Л. Гумилев): прежде всего в литературе Сибири, в контексте неопочвеннической прозы, и в мировой философско-экологической литературе» [3, с. 398].

Таковы перспективы на будущее, которые могут быть учтены в последующих исследованиях творчества В.П. Астафьева, в том чис-

ле и при организации централизованных и целенаправленных научных мероприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьев, В. П. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 / В. П. Астафьев. – М. : Молодая гвардия, 1979. – 493 с.
2. Астафьев, В. П. Нет мне ответа... : эпистолярный дневник, 1952–2001 / В. П. Астафьев ; сост., предисл. Г. Сапронова. – Иркутск : изд. Сапронов, 2009. – 720 с.
3. Дар слова: Виктор Петрович Астафьев : (к 85-летию со дня рождения) : биобиблиографический указатель : статьи / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края ; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Иркутск : изд. Сапронов, 2009. – 640 с.
4. И открой в себе память... : воспоминания о В.П. Астафьеве : материалы к биографии писателя / Сиб. федер. ун-т, Библиотека-музей В.П. Астафьева ; [гл. ред.-сост. Г. М. Шленская ; ред.-сост. Н. Я. Сакова]. – 2-е изд., испр. и доп. – Красноярск : ИПК СФУ, 2008. – 360 с.
5. Смирнова, А. И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века / А. И. Смирнова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 288 с.
6. Стародуб : Астафьевский ежегодник : материалы и исслед. Вып. 1 / Сиб. федер. ун-т, Ин-т филологии и яз. коммуникации, Библиотека-музей В.П. Астафьева ; [гл. ред. и сост. Г.М. Шленская ; ред.-сост. Н. Я. Сакова]. – Красноярск : ИПК СФУ, 2009. – 252 с.
7. Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века : сб. материалов I Междунар. науч. конф., посвящ. творчеству В.П. Астафьева. – Красноярск : КГУ, 2005. – 247 с.
8. Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». 28–30 апр. 2009 г. / редкол. : А. М. Ковалева (отв. ред.) [и др.] ; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск : КГПУ, 2009. – 476 с.